

№ 5

3 іюля

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДПЬЛНО.

1905.

ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ, СМѢТЫ
И ПРОЧІЯ АРХИТЕКТУРНЫЯ РАБОТЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ
СКОРО, ДЕШЕВО И ДОБРОСОВѢСТНО.

П И С Ь М Е Н Н О :

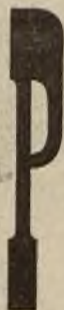
Новая Деревня, 1-ая линия, 169. **Ф. В.**

МОДЕЛЬ

деревянной 2-хъ этажной дачи
дешево продается.

По Ник. жел. дор.

Станція Славянская, № 26,
Трунова. (Лично).

См. № 6.

Московскій книжный магазинъ „ТРУДЪ“.

Петербургъ. Невскій, 60. * Москва. Тверская, 38.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

Беллетристика.

Французъ. Борьба за право	2 р. — к.
Войничъ. Оводъ	— » 80 »
Вазовъ. Подъ игомъ	— » 50 »
Джюваніоли. Спартакъ	1 » — »
Ежъ. На разсвѣтѣ	— » 40 »
Мирбо. Жанъ и Мадлена	— » 10 »
Золя. Углекошы	1 » — »
Сѣверовъ. Шербекскіе выборы	— » 50 »
Эрманъ-Шатрианъ. Исторія крестьянина	— » 20 »
Гра Ф. Марсельцы	— » 35 »
„Гарибальдійцы“	— » 15 »
Танъ. Стихотворенія	— » 60 »
Пѣсни свободы	— » 60 »

Государственное право.

Народное представительство. Мускат-блита	— р. 7 к.
Всеобщее избират. право. Водовозова	— » 8 »
Сущность конституціи. Лассалля	— » 7 »
Декларация правъ. Эллинека	— » 15 »
Конституціонное государство. Сборникъ	— » 75 »
Европейскія избирательныя системы. Пифферупа	1 » 25 »
Правительства и политическія партіи Лоузля	2 » — »
Политическій строй. Сборникъ	3 » — »
Прошлое и настоящее констит. государство. Вильсона	3 » 75 »
Тексты конституцій. Кокоскина	— » 40 »
Новое ученіе о государствѣ. Менгера	1 » — »

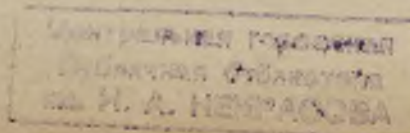
Исторія.

Каутскій. Противорѣчія клас. интересовъ	— р. 20 к.
В. Б. На рубежѣ XIX ст.	2 » — »
Оларъ. Исторія фр. революціи	3 » — »
Минье. Исторія фр. революціи	1 » — »
Очерки по исторіи Германіи XIX в.	2 » — »
Зомбартъ. Соціализмъ и соц. дв.	1 » — »
Бернштейнъ. Обществ. движ. въ Англіи XVIII в.	1 » 50 »
Метень. Соціализмъ въ Англіи	1 » 50 »
Милюковъ. Очерки по исторіи русской интел.	2 » — »
Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества	1 » 50 »
Пыпинъ. Очерки обществ. движенія при Александрѣ I.	3 » — »

Рабочій вопросъ.

Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Маркса и Энгельса	— р. 10 к.
Пролетаріатъ и обществ. строй. Каутскаго	— » 60 »
Къ рабочему вопросу въ Россіи. Прокоповича	1 » — »
Сочиненія Лассалля, т. I	1 » 25 »
Письма Лассалля къ Марксу и Энгельсу	1 » 50 »
Наемный трудъ и капиталъ. Маркса	— » 10 »
Экономическое ученіе Маркса. Каутснаго	— » 20 »

Магазинъ доставляетъ книги на домъ.

Заграничныя вѣсти.

Поэтическое сравненіе.

- Я никогда не подписываюсь на новые изданія!
- Почему же? Есть очень хорошія!
- Я люблю такія, за которыми много положительнаго. Напримѣръ, «Московскія Вѣдомости» и другія. Они, выражаясь поэтически, стоятъ среди нашей прессы, какъ крѣпкіе по убѣжденіямъ и многовѣковые по существованію дубы...
- Пожалуй! Но не безызвѣстно, что отъ дубовъ происходятъ жолуди, каковыя служатъ пищею для свиной!

Новый отдѣлъ

- Суворинъ завелъ въ газетѣ новый отдѣлъ!
- Какой же?
- «На каждый день». Это нѣчто въ родѣ афоризмовъ!
- Что же тамъ пишется?
- Вотъ, напримѣръ, изъ Гейне: «только дрянныя натуры выигрываютъ отъ революціи».
- А-а! Это онъ на свой счетъ прохаживается.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СУПРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Отъ Антипа Акакіевича къ Степанидѣ Митрофаньевнѣ.

— Умоляю тебя, матушка моя, пиши мнѣ обо всемъ, такъ какъ моя любознательность тебѣ досконально извѣстна. Къ сему же ты понимаешь мое волненіе, вполнѣ естественное по нынѣшнимъ временамъ, когда нельзя поручиться не только за завтрашній, но даже за вчерашній день. Увѣдомляю тебя, что наша Буренка отелилась «Вертихвосткой». Пусть и скоты своими именами напоминаютъ современность нашу, заставляющую насъ даже въ частной перепискѣ не говорить всего, что вообще воспрещено цензурными условіями.

Твой Антипъ.

Отъ Степаниды Митрофаньевны къ Антипу Акакіевичу.

— И увѣдомляю тебя, Антипушка, что я попала въ страшную передѣлку. На вокзалѣ городской мнѣ выдалъ какой-то желѣзный №, каковой номеръ былъ принятъ мною за столичный паспортъ. Однако, оказывается, что сей знакъ есть знакъ извозчика, дарованнаго мнѣ судьбою, и по существующимъ законоположеніямъ, я должна была сѣсть именно на того извозчика, который мнѣ достался. Едва я успѣла найти гостиницу и внести свои вещи, какъ ко мнѣ явился челоуѣкъ и потребовалъ отъ меня паспортъ. Пришлось открывать всѣ сундуки и доставать его, ибо иначе я подвергалась немедленному водворенію въ мѣсто моего постоянного жительства. Устроившись въ гостиницѣ, я пошла осмотрѣть городъ, но съ полдороги воротилась. Напрасно ты (написано неразборчиво)...

Отъ Антипа Акакіевича.

— Молю тебя, подпишись на самую передовую газету. Здѣсь, кромѣ епархіальныхъ вѣдомостей, ни одного порядочнаго органа не имѣется. «Вертихвосточка» подростаетъ и шлетъ тебѣ низкій и почтительный цоклонъ. Изъ нея выработается отличная корова.

Отъ Степаниды Митрофаньевны.

— На передовую газету подписаться не было никакой возможности. Зашла я утречкомъ въ контору «Новаго времени» и стала въ хвостѣ. Стоять люди разныхъ званій и ждутъ. Наконецъ, добралась я до окошечка. «Вамъ, говорятъ, объявленіе о покойникѣ надо?» Меня даже оторопь взяла. Я прочь да къ другому окошку, а тамъ меня спрашиваютъ: «Вы на мѣсто нанимаетесь?» Я поняла, что, по своему невѣжеству и неопытности, зашла въ контору для найма прислуги или въ похоронное бюро. А потому сочла за болѣе благоразумное уйти изъ конто-

ры, тѣмъ болѣе, что въ толпѣ говорили, что газета эта перестала быть передовою. Это говорили кухарки и горничныя и при этомъ весьма поносили самого хозяина конторы, какого-то Суворова. Не родственникъ ли онъ знаменитому полководцу? Вотъ времена-то: предокъ войска водилъ, а потомокъ кухарокъ нанимаетъ и факельщиковъ содержитъ. Все мельчаетъ. Завтра пойду по канцеляріямъ...

Отъ нея же.

— Дрожайшій Антипушка! Чувствую, что мои нервы напрягаются до послѣдней степени. Всѣ канцеляріи очень завалены дѣлами, а потому на меня никто не обращаетъ вниманія. Да это бы еще ничего. Дѣло въ томъ, что за мною ходятъ какіе-то люди и не даютъ мнѣ ступить шагу. Не знаю, что имъ надо: возрастъ мой болѣе, чѣмъ почтенный, изъ себя я не изъ красивыхъ. Что имъ надо,— не понимаю... Какъ телка-то?

Отъ нея же.

— Теперь я все понимаю: оказывается въ Питерѣ твоя дѣятельность, какъ земскаго начальника, довольно извѣстна. Ко мнѣ сегодня приходилъ интервьюеръ отъ одной газеты и сталъ меня допрашивать. Оказывается, ты занесенъ въ число крайне либеральныхъ людей. Тобой интересуются всѣ петербургскіе жители и, говорятъ, ты будешь выбранъ въ народные представители. Откуда они это узнали?..

Отъ нея же.

— Все оказалось недоразумѣніемъ. Твою фамилію смѣшали съ фамиліей одного настоящаго либерала. И теперь всѣ газеты полны статьями по поводу будто бы твоего самозванства. Я отправилась, по совѣту знакомаго чиновника, къ редактору одной изъ передовыхъ газетъ «Свѣтъ» и просила редактора взять меня подъ защиту. Онъ обѣщалъ и снабдилъ меня стихами генерала Навроцкаго. Нельзя читать ихъ безъ слезъ. У меня этихъ стиховъ теперь цѣлый тюкъ. Отправляю его къ тебѣ малой скоростью. Они очень тяжеловѣсны. Выѣзжаю черезъ нѣсколько дней. Я пришла къ убѣжденію, что вездѣ въ Россіи тихо и спокойно. Какъ-то тамъ моя телочка? Здорова ли она? Цѣлую тебя въ плѣшку.

Отъ него къ ней телеграмма.

— Степа. Стихи конфискованы за неблагонадежность. Проси «Свѣтъ» вытребовать ихъ обратно. Сосѣди за что-то перестали кланяться. Выѣзжай.

Отъ нея.

«Свѣтъ» обратно свой товаръ не принимаетъ. Смирись. Судьба.

Новыя вѣсти объ эскадрѣ

«Спасательный» катеръ «Свѣтъ» подъ командой генерала-отъ-мракобѣсы Комарова продолжаетъ блуждать во «тьмѣ». Суденышко меньше комариного носа, тѣмъ не менѣе старается высадить десантъ въ количествѣ черной сотни. Сильно дрейфитъ, но «генералъ» не смущается никакими пораженьями (поэтому, надо полагать, не обрадуется и побѣдамъ); питается однимъ квасомъ; ходитъ въ сарафанахъ, умоляя, однако, кого слѣдуетъ: «не шей ты мнѣ, матушка, «красный» сарафанъ.

* * *

Ковчегъ «Кіевлянинъ» идетъ въ одной колоннѣ съ «Гражданиномъ», причемъ старается даже про-*тиж*-уться еще болѣе назадъ, чѣмъ его головной корабль.

* * *

Мелкосидящій пароходъ «Слово» держится въ центрѣ; ходъ умѣренный, такъ какъ машины питаются «сырымъ, мятымъ» паромъ, а механизмы приводятся въ движеніе «сыромятыми» ремнями. Кромѣ того, везетъ грузъ «шиповъ». Состоящій на суднѣ инженеръ-метеорологъ предсказываетъ бурную, разрушительную погоду. Экипажъ обезпеченъ продовольствіемъ, такъ какъ на борту большой запасъ «быковъ»; боевой пылъ команды поддерживается ежедневной дачею «перцовки».

* * *

Броненосецъ «Русь», временно задержанный, какъ уже сообщалось, на мели, поручилъ обстрѣливаніе своего района броненосцу «Наша Жизнь». Команды обоихъ судовъ братаются.

ТЕРМИДОРЪ (В. С.).

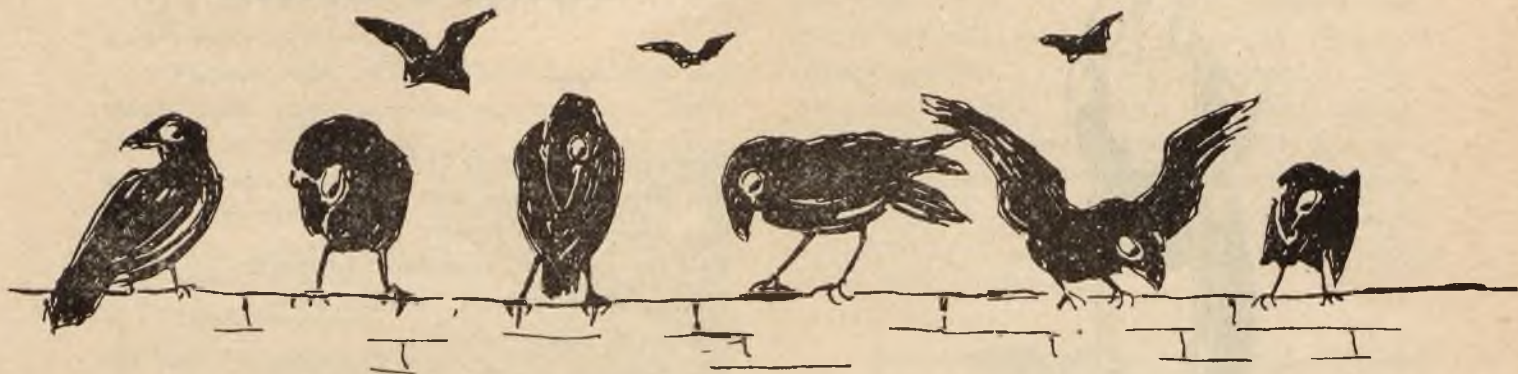
Вороны и соловьи

(Васня).

Прослышали однажды Соловьи,
 Что Вороны къ властямъ летали:
 Про болести, про горести свои,
 Про все властямъ подробно рассказали;
 Повѣдали, что птицамъ нечѣмъ жить,
 Что негдѣ голову склонить,
 Что хищники по лѣсу ночью рыщутъ
 И что не только птичекъ ищутъ,
 Но даже яйцами не брезгаютъ ничуть
 И забываютъ всякое приличье,
 Что ужъ нельзя ни охнуть, ни вздохнуть,
 Что скоро бунтъ обниметъ царство птичье...
 Соловухи, прослышавши о томъ,
 Подняли вопли, крикъ... содомъ!
 И выразили такъ своей души величье:
 «—Да кто уполномочилъ ихъ,
 Ихъ,—Вороновъ плебеевъ,
 Отъ голода едва живыхъ,
 Завѣдомыхъ злодѣевъ,
 Которыхъ за измѣну и грабежъ,
 Давно пора бы на правезъ?!
 Ужели карканьемъ вороньимъ непристойнымъ
 Властямъ достойнымъ
 Про птичьи нужды можно рассказать?
 Ихъ надо гнать,
 Туда, гдѣ пахнетъ лѣсомъ хвойнымъ,
 Гдѣ мѣсто элементамъ несококойнымъ!..»
 И велѣдъ за тѣмъ Соловухи тотчасъ
 Избрали депутатовъ—
 Извѣстовъ, извѣстныхъ хватовъ,
 И дали имъ такой наказъ:
 Просить всѣхъ Вороновъ считать за супостатовъ
 И умолить властей—
 Сослать бунтовщиковъ за тридевять полей,
 А ихъ самихъ вернуть домой съ отличьемъ:
 И миръ тогда наступитъ въ царствѣ птичьемъ!..
 Отправилась въ дорогу Соловьи
 И помыслы прекрасные свои
 Властямъ въ руладахъ страстныхъ изложилъ.
 Ихъ выслушали тамъ,
 Улыбкой даже наградили,
 Но...

Неужель не жалко вамъ,
 Что въ клѣтки ихъ пошлѣть не посадили?

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНИНЪ.

О рѣкѣ Ориноко и рыболовствѣ въ оной

Макаръ Макаровичъ Телятовъ, послѣ своего возвращенія въ Петербургъ изъ мѣстъ не столь отдаленныхъ, но уже запечатлѣнныхъ «интеллигенціей», волей-неволей принужденъ былъ обратиться къ литературному труду.

Нельзя сказать, чтобы этотъ трудъ приходился ему по душѣ, нельзя сказать, чтобы Макаръ Телятовъ не обладалъ литературными и публицистическими способностями. Но писательство во всѣхъ видахъ и формахъ не терпѣлъ, хотя-бы потому, что пострадалъ именно за писательство.

Дѣло въ томъ, что Макаръ Телятовъ былъ человѣкъ нервный и умѣлъ чувствовать сильно, а потому и въ его писаньяхъ сквозилъ духъ нервозности и неуравновѣшенности.

Всѣ окружающіе ему не разъ говаривали:

— Эй, Макаръ, не пиши, не губи ты свою душу!

А Макаръ отвѣтствовалъ:

— Не могу не писать, потому что всѣ мои фибры желаютъ высказаться и заявить... Я негодую и ненавижу... Не-на-вижу-у-у!

Онъ сжималъ кулаки, потомъ бѣжалъ къ столу, и черезъ полчаса передъ нимъ лежали исписанные кровью сердца листки бумаги.

Макаръ не рѣшался носить свои произведенія въ редакціи, ибо понималъ, что редакція тотъ же департаментскій кабинетъ, гдѣ весьма осязательно чувствуется начальническое усмотрѣніе.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, Макаръ потерпѣлъ за свое писанье. Писалъ онъ, писалъ и пряталъ свои творенія въ столъ.

И однажды, когда пришли «посторонніе» люди и стали рыться въ его столахъ, хотя Макаръ и кричалъ, какъ зарѣзанный:

— Домъ мой—крѣпость моя!

Тѣмъ не менѣе бумаги забрали, а его самого отправили въ «казенную командировку», безъ полученія прогонныхъ денегъ, но съ «аттестацией».

Такъ пострадалъ Макаръ Телятовъ.

Когда же, наконецъ, командировка въ страны не столь отдаленныя закончилась, и Телятовъ былъ отпущенъ въ безсрочный отпускъ на свое иждивеніе, но безъ права выѣзда, а, слѣдовательно, и выѣзда изъ столицъ и въ столицы, тогда Телятовъ посмотрѣлъ кругомъ и въ первый разъ увидалъ, что жена и трое ребятъ открываютъ рты и показываютъ на оные.

При такихъ условіяхъ Макаръ Телятовъ рѣшился заняться литературною дѣятельностью и поступить въ вѣдомство департамента литературныхъ и журнальныхъ дѣлъ. Говоря просто, сталъ писать статьи въ одну передовую газету.

При этомъ Макаръ Телятовъ разсуждалъ не безъ остроумія:

— Если,—говорилъ онъ,—меня сдѣлали туристомъ за непечатныя произведенія, то, быть можетъ, я останусь на мѣстѣ, когда мои произведенія стануть печататься!..

Макаръ сдѣлался журналистомъ. Онъ изобрѣлъ себѣ такой псевдонимъ, который мы не рѣшаемся открыть, но который совершенно не давалъ возможности угадать въ немъ Макара Телятова.

Макаръ Телятовъ сталъ писать почти ежедневно.

При одномъ изъ подобныхъ писаній мы имѣли несчастье присутствовать, и о семъ именно мы и хотимъ повѣдать нашимъ читателямъ.

Пріѣхалъ я къ Макару, когда онъ только что кончилъ обѣдъ.

Глаза его казались осоловѣлыми, самъ онъ храпѣлъ почти вслухъ и вообще видъ его былъ дикій и ужасный.

Макаръ извинился и прилегъ было на кушетку, какъ вдругъ его жена подбѣжала къ нему и стала его тормошить.

— Пиши, Макарушка!—говорить.—Пиши, ради Бога, сейчасъ. А то и насъ, и себя погубишь!

Я заинтересовался, какъ можетъ писать человѣкъ въ состояніи полусна.

Однако, Макаръ всталъ, подошелъ къ столу и сталъ писать.

Клянусь, онъ храпѣлъ во время писанья. И мнѣ самому страшно хотѣлось спать при видѣ этого.

Не прошло однако и получаса, какъ статья была готова, и Макаръ сталъ ее выправлять.

Я попросилъ его прочесть статью.

Макаръ ухмыльнулся, подошелъ къ окнамъ, закрылъ ихъ, притворилъ двери, поводелъ носомъ по воздуху и сталъ читать.

Съ первыхъ же строкъ попалъ на меня панической страхъ. Все, что онъ написалъ, было такъ ужасно... и даже не ужасно, а именно страшно... и даже не страшно, а этакъ... ну, какъ бы сказать, этакъ ужасающе нецензурно.

Я крикнулъ:

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Сдѣлай милость, не надо!

Прибѣжала Макарова жена и въ слезахъ стала причитывать:

— И что ты, свѣтъ-Макарушка, дѣлаешь? На кого ты насъ покида-а-ешь?

Макаръ встрепенулся и быстро сжегъ рукопись.

Я успокоился, а Макаръ опять сѣлъ писать.

Я хотѣлъ было его остановить, но онъ неумолимо водилъ рукою по бумагѣ, а Макарова жена шептала мнѣ:

— Пусть пишетъ! Вѣдь, я стерегу, чтобы никто не вошелъ... Онъ этакъ попишетъ до вечера, а тамъ на него и настоящее вдохновеніе найдетъ...

Я пожалъ плечами и черезъ полчаса опять заглянулъ къ Макару. Онъ опять сталъ мнѣ читать, и хотя на этотъ разъ статья была уже не такъ ужасна, но все-таки въ ней было много такого, что никоимъ образомъ не могло вязаться со всѣмъ тѣмъ, что мы переживаемъ.

Я зажалъ уши, а Макарова жена собственно-ручно сожгла и эту рукопись.

Только поздно ночью статья была окончательно готова. Макарова жена самолично просмотрѣла рукопись, вычеркнула изъ нея добрую половину и прочла.

Макаръ писалъ нѣжно, какъ голубь, о томъ, что не мѣшало бы въ рѣкѣ Ориноко развести русскихъ щукъ для улучшенія тамошняго рыбоводства.

А когда Макаръ замѣтилъ мой недоумѣвающий взглядъ, онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Я долженъ разрядиться! Я долженъ стрѣлять только холостыми зарядами... Понялъ? Это—обязанность русскаго публициста!

— Что ты говоришь?!—ужаснулся я.

— Холостой зарядъ столь же громокъ, какъ и боевой, но менѣе зловреденъ! Русскіе публицисты должны разоружиться! Да здравствуетъ рѣка Ориноко и ея рыбоводство!

Макаръ засмѣялся. А отъ его смѣха мнѣ стало жутко. Мы разстались.

Л—Въ

Завоеватели

Сначала мы хотѣли завоевать Дальній Востокъ мирнымъ путемъ, слѣдуя девизу: «безъ образовъ и безъ войскъ», затѣмъ попробовали сдѣлать это вооруженными силами, взявъ девизомъ: «съ образами и съ войсками»,—но оба способа намъ не удались и использовали ихъ: лишь пиллигримъ «безъ образовъ» и Мальбругъ «съ образами».

ТЕРМИДОРЪ.

Ночныя тѣни.

Страничка изъ дневника поэта.

Я началъ писать стихи очень рано.

Мое первое стихотвореніе было очень кратко, но выразительно.

Я помню: былъ жаркій лѣтній день. Солнце сверкало. Мнѣ долго не подавали моей любимой кашки, и я капризничалъ. Моя няня, которую я звалъ «няка», успокаивала меня.

А я гнѣвался и плакалъ и болталъ погами.

А когда кашка была подапа, я проговорилъ:

— Няка-бяка!

До сихъ поръ помню, какъ моя мать бросилась ко мнѣ и стала меня цѣловать, утверждая, что я — прелесть и пайнъка. Изъ кабинета прибѣжалъ папа и басомъ сказалъ:

— Онъ будетъ поэтомъ и знаменитостью!

Бабушка разрыдалась отъ моей рифмы. Тетя стала рассказывать про своего умершаго на дуэли жениха, который писалъ отличныя стихотворенія, воспѣвалъ небеса и страдалъ по временамъ запоемъ. Мало того сама «няка» умильно улыбалась и пророчила мнѣ большую литературную пзвѣстность.

Моя рифма поправилась и мнѣ самому, и при всякомъ удобномъ случаѣ, а особенно при гостяхъ, я нарочно хвастался своими способностями и говорилъ:

— Няка-бяка.

Потомъ я подросъ. Мнѣ стукнуло 12 лѣтъ.

И я сталъ писать о «ней», о звѣздахъ, о розахъ. Рифмовалъ «глазки» и «ласки», «луна» и «ова», «страданіе» и «рыданіе».

Моихъ стиховъ никто не печаталъ. Но надъ ними я плакалъ самъ.

Потомъ мнѣ стало 16 лѣтъ.

У меня образовался большой кругъ читателей — мои товарищи по школѣ. Я рифмовалъ для нихъ «красотка» и «кокотка», «ночная тишь» и «ты вся дрожишь». Печатать это было стыдно.

Къ 20-ти годамъ мои стихи напоминали во всемъ Надсона, и кокотокъ смѣнилъ «мой братъ усталый» или нѣчто подобное.

Потомъ я все росъ и росъ. Событія проходили мимо. Я откликался на каждое движеніе души, на каждое бѣненіе сердца, откликался душою и сердцемъ и пелъ свои произведенія въ редакціи.

Но меня не печатали, не печатали упрямо.

Я отдѣлывалъ свой стихъ, работалъ, трудился и къ 30 годамъ достигъ совершенства.

Теперь я рифмую «рабы» и «гробы», ищу рифму къ слову «застѣнокъ», воспѣваю свободу, забываю о личномъ счастьѣ, зову людей на бой, возмущаюсь неправдой, возмущаюсь рабствомъ...

Теперь я пишу стихи кровью сердца.

Но ни одна редакція меня не печатаетъ, и редакторы приходятъ въ ужасъ отъ моихъ мыслей.

Не начать ли мнѣ теперь сначала, съ «няки-бяки», съ «кокотки-красотки», съ дѣтскаго лепета?

Это, кажется, еще цензурно, и редакторы не придуть въ ужасъ.

Только напечатаютъ-ли?

ПЕРЕДЪ ПРИЛИВОМЪ

Черныя волны съ краснымъ отливомъ
Бѣгутъ, бѣгутъ...

Чайки и стоны надъ мертвымъ заливомъ
И тамъ, и тутъ...

Гордыя рѣчи, побѣдные крики
Крѣнутъ, растутъ.

Въ черныя волны безсильныя клики
Зовутъ, зовутъ.

Тучи свинцовыя мрачнымъ покровомъ
Вездѣ лежать.

Черныя волны катятся съ ревомъ
Впередъ, назадъ...

Берегъ таится и ждетъ молчаливо,
Чего-то ждетъ.

Близится мигъ вождедѣльный прилива...
Идетъ, идетъ...

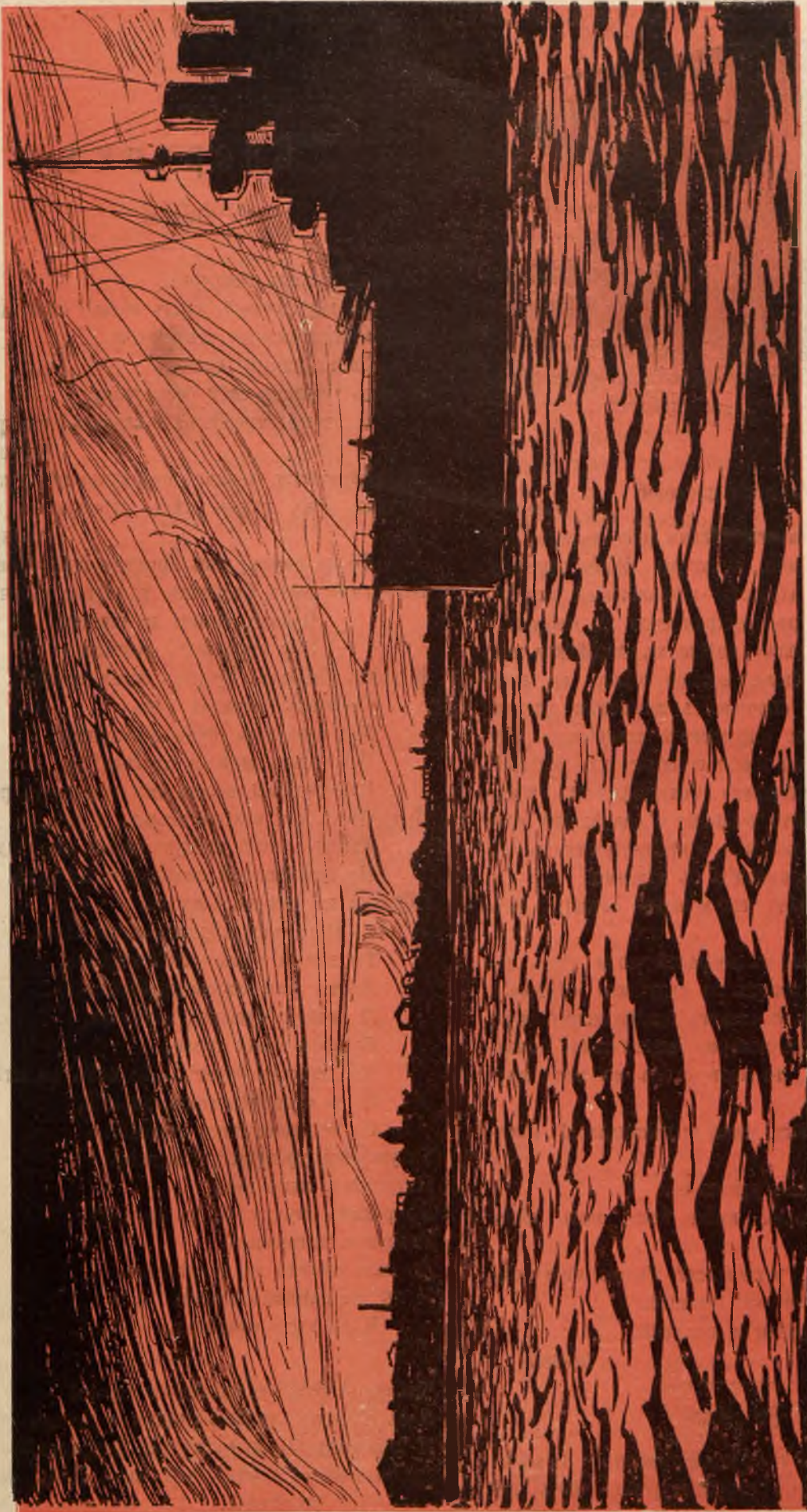
Жутко и страшно предъ грознымъ приливомъ
И тамъ, и тутъ...

Черныя волны съ краснымъ отливомъ
На насъ бѣгутъ...

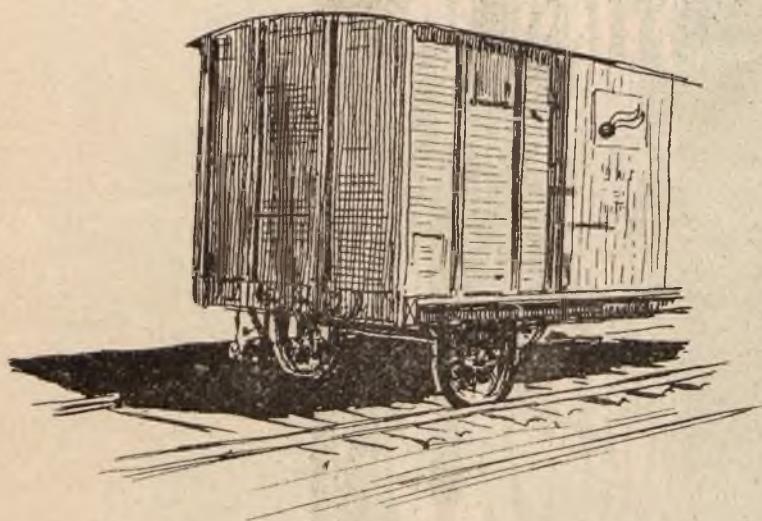
Итогоъ

— Во что обошлась исторія съ «Потемкинскимъ?»

— По подсчету папаша-Суворина: самъ брошеносецъ — 12 милліоновъ, убитки въ Одессѣ — 50 милл., сраму на 500 милл. Итого: 562 милліона!..

Въ странѣ восходящаго солнца.

Различіе сословіі

Въ дачной мѣстности, весьма неблагоустроенной никакихъ признаковъ культуры. Избы кривыя, печи кощятъ, на дворахъ—невозможный запахъ, который обильно распространяется въ воздухъ и исходитъ отъ «будокъ», носящихъ англійское имя.

Эти «будки» — самое важное мѣсто, на которое, однако, мало обращаютъ вниманія; устраняютъ ихъ просто: вырываютъ неглубокую яму, ставятъ четыре кола и обвѣшиваютъ ихъ рогожей.

Несмотря на внѣшнюю некультурность мѣстности, въ ней живетъ сознаніе о раздѣленіи «бѣлой» и «черной» кости и о преимуществахъ одного сословія по сравненію съ другимъ.

Сему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій случай.

Нѣкій мальчишка, въ возрастѣ пяти лѣтъ, гоняясь за мухами, попалъ въ одну изъ «будокъ». Вылѣзъ онъ оттуда въ самомъ невозможномъ видѣ, и когда пришелъ къ матери, утирая слезы испачканными рукавами, то мать стала на него кричать:

— Ишь, чертенокъ, какъ вываландася! Негодяй ты этакой!

И другими словами ругала его.

На что мальчишка, имѣя всего пять лѣтъ, отвѣтствовалъ:

— Чего, мамка, ругаешься? Скажи еще спасибо, что я въ *господскій* попалъ!..

Вотъ гдѣ даже различіе сословіі!

ТРУТЕНЬ

Въ конкѣ

— Двѣнадцать «юмористическихъ» открытыхъ писемъ съ карриатурами — пять копѣекъ!!! Поддержите коммерцію!

— А шиповскія есть?..

Сверчокъ

(Басня).

За печкой жилъ Сверчокъ
И, какъ порядочный, зналъ только свой шестокъ.
Запрячется, бывало, втихомолку

За глиняный горшокъ
И тамъ трещитъ себѣ безъ толку.

О чемъ трещаль? — сказать навѣрно не берусь;

Но, разумѣется, хвалилъ онъ кухонную Русь
И такъ какъ гимны пѣлъ стряпухамъ безире-
станно,

То по шестку онъ прыгалъ невозбранно...
Ну просто былъ Сверчокъ, какъ всѣ сверчки.

Однако, гимны да горшки

Ему порядкомъ надоѣли,

И нашъ Сверчокъ пустилъ нныя трели:

Сверчокъ задумалъ пѣть,

Что незачѣмъ горшкамъ кипѣть,

Что стѣны дымомъ прокоптятъли,

Что настоятельность онъ чувствуетъ реформъ

И требуетъ для кухонь новыхъ нормъ...

Такихъ рѣчей наслушавшись, стряпуха,

Не выносившая свободомыслия духа,

Поймала на шесткѣ Сверчка.

«—Ишь расхрабрился какъ! Пока

Ты гимны пѣлъ,—тебя терпѣли,

Но ты ужъ слишкомъ обнаглѣлъ

И, вмѣсто прежней канители,

Пустилъ такія трели,

Что оторопь беретъ... Да какъ ты смѣлъ?

Какъ могъ рѣшиться, дерзкій,

На сей поступокъ мерзкій?..»

Такую рѣчь уразумѣлъ Сверчокъ:

Натужился, какъ могъ,

Въ рукахъ стряпухиныхъ зацѣлся,

Рванулся, затрещалъ,

Да силъ своихъ не разчиталъ—

И въ щель кипящія попалъ

И въ нихъ сварился...

Читатель! Будь не слишкомъ строгъ!

Я-бъ написалъ мораль руками и ногами

И пояснилъ бы, кто есть сей Сверчокъ,—

Да въ томъ-то и бѣда, что близъ меня—горшокъ

Со щами...

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНИНЪ.

ПАМ'ЯТИ А. П. ЧЕХОВА

Къ годовщинѣ его смерти—2 іюля.

Со стѣны на меня глядитъ скорбное, нѣжное лицо.

Молчаливый, тоскующій взглядъ. Въ немъ такъ много затаенной скорби, мученичества!

Чеховъ! Его нѣтъ больше... Нѣтъ больше хмурыхъ людей, нѣтъ футляровъ, нѣтъ сумерекъ жизни...

Смерть Чехова такъ странно совпала съ началомъ разсвѣта...

Смерть Чехова—грань нуднаго бытія, тяжелой буржуазности.

Чеховъ, пѣвецъ реакціоннаго запустѣнія, не видалъ начинающагося разсвѣта. Онъ не дожилъ до ясныхъ зорь, которыя блеснули годъ тому назадъ вслѣдъ за его смертью.

Онъ умеръ. И наши радости не были его радостями, наши скорби не трогали его.

Онъ совершилъ великое: онъ показадъ, какъ мало воздуха въ сумеречномъ существованіи, какъ немного нужно людямъ, заключеннымъ въ футляры...

Чеховъ умеръ... Черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти была еще смерть.

Годъ тому назадъ смерть Чехова поразила насъ своею неожиданностью. И умеръ Чеховъ, быть можетъ, съ сумрачнымъ сознаниемъ, что надежды на обновленіе нѣтъ, что футляры все крѣпче и крѣпче сковываютъ жизнь, что надъ русской дѣйствительностью пролетаетъ ангелъ смерти...

И Чеховъ не могъ не страдать.

И теперь на меня со стѣны глядитъ скорбное, нѣжное лицо.

Великій печальникъ,—ему нѣтъ равнаго по чуткости, нѣтъ равнаго по любви, нѣтъ равнаго по таланту.

Дѣйствительность спѣшитъ. Хмурые люди справляютъ свою хмурь, изъ футляровъ показываются живыя лица. Они смотрятъ впередъ, въ грядущее.

Есть надежды, есть то, чего не было у Чехова.

Жизнь черезъ двѣсти-триста лѣтъ будетъ неизмѣримо прекрасной. Вотъ—лозунгъ Чехова, вотъ его прорицаніе.

Онъ отдалялъ моментъ прекраснаго надолго отъ насъ.

Ближайшее грядущее казалось для него темнымъ и хмурымъ.

Прошелъ годъ—и многое стало лучше, свѣтлѣе и чище.

Пауки прячутся въ паутины, востокъ розовѣетъ, слезы еще не высохли, но ихъ стираютъ...

Съ Чеховымъ умерли чеховскія сумерки, предутреннія сумерки.

На чеховскихъ произведеніяхъ наживались публицисты-издатели, торгующіе талантами и совѣстью...

Бѣдный Чеховъ, его жизнь—сплошное мученичество. И не даромъ такъ стыдно намъ смотрѣть въ его глаза, затуманенные скорбью.

Что мы сдѣлали, чтобы вырвать его изъ цѣпкихъ лапъ торгашей?

Ничего! И умеръ Чеховъ, вѣря, что черныя сотни исчезнутъ съ лица земли не ранѣе, какъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ...

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Изъ книгъ.

Извѣстный фельетонистъ В. М. Дорошевичъ издастъ «собраніе» своихъ сочиненій. Только что вышелъ III томъ.

Г. Дорошевичъ пишетъ давно, но большой популярности достигъ сравнительно недавно.

Отъ «Папильотокъ», — сборника юмористическихъ разсказовъ, изданныхъ «Будильникомъ», — до общественныхъ фельетоновъ, печатающихся въ «Россіи» и теперь появляющихся въ «Русскомъ Словѣ» и «Очерковъ Сахалина» — цѣлая бездна.

Интересенъ только этотъ послѣдній періодъ. Конечно, и въ немъ не все одинаково важно для потомства и дорого намъ, современникамъ.

Что было хорошо на мимолетномъ газетномъ листѣ, часто становится скучнымъ и ненужнымъ въ книгѣ.

У г. Дорошевича есть два большихъ плюса: остроуміе, впрочемъ, нерѣдко переходящее во вѣднее острословіе, и своеобразный стиль.

Небрежный, тусклый языкъ сѣрыхъ газетныхъ столбцовъ подъ его перомъ приобрѣлъ красоту, вышуклость и законченность.

Какъ писатель, г. Дорошевичъ не

лишенъ дарованія; какъ фельетонистъ, онъ обладаетъ прозорливостью и умѣніемъ нащупывать живыя, захватывающія темы.

Напомнимъ, что задолго до настоящей безславной войны, когда официальные полтики и профессиональные дипломаты даже не хотѣли и думать о какой-то «ничтожной» Японіи, онъ одинъ провидѣлъ неминуемость вооруженнаго столкновения и трубилъ объ этомъ неустанно.

Его не хотѣли слушать... Въ этомъ не его вина. Его голосъ былъ громокъ и смѣлъ... въ предѣлахъ цензуры, конечно.

Да развѣ могли рѣчи простого,

непновнаго фельетониста скромной, не официальной и не официозной газеты до ушей сильныхъ міра. коснуться ихъ совѣсти, взволновать ихъ застывшій умъ.

А если дошли и нарушали безмятежность покоя, то такъ легко у насъ административнымъ воздѣйствіемъ заткнуть безпокойному чело-вѣку глотку... И затыкали...

Лежащій передъ нами томъ сочиненій г-на Дорошенича состоитъ не изъ «боевыхъ» фельетонистовъ. Это — «Крымскіе рассказы».

Быть можетъ, они писались на «безтепль» или, наоборотъ, когда темы были остры, а тиски различныхъ воздѣйствій такъ тяжелы, что не было мочи касаться животрепещущихъ злобъ дня.

Газета требовала печатныхъ строкъ, и тогда въ тиши кабинета съ горечью въ сердцѣ отстранялись мотивы преходящей минуты и насильно въ воображеніи вызывались картины привольной крымской жизни.

Здѣсь въ этихъ рассказахъ не преминулъ прежде всего фельетонистъ коснуться представителей не регламентированной, но открытой, на глазахъ у всѣхъ, функционирующей проституціи.

Вотъ, напримѣръ, проводникъ-татаринъ Али:

— Наши «сезонныя» барыни берутъ его на расхватъ.

У него и лошади отличныя и самъ онъ дѣйствительно «харушъ» и «съ дамамъ обращаться умѣетъ».

Какъ и во всѣхъ крымскихъ татарахъ, въ Али нѣтъ ничего татарскаго.

Орлиный профиль, что-то хищное, смѣлое, дерзкое въ глазахъ...

Даже толстый скептикъ Ибрагимъ, что торгуетъ фруктами въ Мордвиновскомъ саду и свысока смотритъ на теперешнихъ проводниковъ, и тотъ признаетъ Али.

Ибрагимъ самъ когда-то былъ проводникомъ и знаменитымъ проводникомъ. Его пальцы всѣ въ драгоценныхъ перстняхъ, и каналья безъ стѣсненія называетъ по фамиліямъ, отъ кого какой подарокъ.

Тутъ вы услышите много «именитыхъ» московскихъ купеческихъ именъ...

Довольно этихъ выписокъ!.. Становится противно. Это не любовь, не страсть, и даже не развратъ, а какое-то извращеніе полового чувства. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и гдѣ хотите эти сладострастные «именитыя» купеческія жены могутъ пойти безплатныхъ любовниковъ. И что это за страсть, купленная за деньги на нѣсколько часовъ.

Быть можетъ, здѣсь прежде всего странная чудовищная мода — непременно, чтобы былъ проводникъ. Рассказываютъ, что даже кавалеры «пъ общества», покинутые своими дамами, перѣдко передѣлывались проводниками «для успѣха».

И грустно подумать, что отецъ или дѣдъ какой-нибудь обожающей Али «Перпетуи Филипповны» въ свое время пришелъ въ городъ въ лаптяхъ, съ одной палочкой, выломанной дорогой въ деревенскомъ лѣсу. Работалъ, какъ волъ, спалъ въ грязи, не дождаль. Былъ твердъ и не пилъ не только водки, но и чая.

Копилъ вѣтми правдами и неправдами, обсчитывалъ, обмѣривалъ, морилъ людей работой, кормилъ ихъ дохлятиной и все для того, чтобы его дочь или внучка имѣла возможность поднести Али драгоценные перстни.

Можетъ быть, на эти позорные подарки пошелъ лишній рабочий часъ фабричнаго. Чтобы бриллиантъ могъ сіять на выхоленной рукѣ наглаго татарина, измученный работой умеръ на нѣсколько лѣтъ раньше отецъ семьи, а его опротѣбля дѣти пошли «по кусочки».

На эти деньги, которыя брошены въ пасть постыдной шайкѣ проституттовъ, была бы возможность устроить для рабочихъ болѣе просторныя спальни, вмѣсто теперешнихъ клоповниковъ, поставить усовершенствованные вентиляторы въ мастерскихъ, гдѣ люди гибнутъ отъ паровъ фосфора и мышьяка.

Ослѣпительный блескъ этихъ бриллиантовъ—это сіяніе пролитыхъ слезъ нищеты. Его огонь—это кровь труженниковъ...

Нельзя обойти молчаніемъ интересную книгу г. Л. Ф. Пантелѣва: «Изъ воспоминаній прошлаго».

Авторъ извѣстенъ, какъ издатель очень цѣнныхъ, по большей части, переводныхъ книгъ. Не чуждъ и самъ литературѣ.

«Воспоминанія» его начинаются 1858 годомъ, когда г. Пантелѣвъ восемнадцатилѣтнимъ юношей пришелъ въ Петербургъ держать экзаменъ въ университетъ. Тогда, какъ и теперь, гимназистовъ принимали въ университетъ безъ экзамена, но авторъ не проходилъ въ гимназіи латинскаго языка.

Книга воспоминаній пока обрывается на 64 году: 11 декабря этого года г. Пантелѣвъ былъ арестованъ «по политическому», а затѣмъ сосланъ въ каторгу.

Особенно цѣльны свѣдѣнія, приводимымъ авторомъ объ обществѣ

«Земля и Воля». Оно функционировало въ началѣ 60 годовъ и скоро распалось; потомъ уже въ іюнѣ 76-го возникло новое общество подъ тѣмъ же названіемъ, просуществовавшее до конца 79 года.

Г. Пантелѣвъ былъ близокъ къ «Землѣ и Волѣ» шестидесятихъ годовъ.

Элегическимъ обращеніемъ къ женщинамъ, принимающимъ участіе въ «Землѣ и Волѣ», заканчиваетъ свою книгу г. Пантелѣвъ:

«Бабушками стали мои пріятельницы отъ времени 60 годовъ, но какъ тепло становится при всякой встрѣчѣ со многими изъ нихъ...

Серебристые волосы покрываютъ ихъ головы, а сердце все такъ же сочувственно отзывается на новыя запросы жизни, на неустанныя стремленія выступающихъ поколѣній — внести въ нашу жизнь свѣтъ правды и истины».

* * *

Въ безпросвѣтную эпоху тяжелой и мрачной реакціи, сдавившей даже умы лучшихъ, избранныхъ людей и вселившей въ души ихъ сумракъ длинной, холодной ночи — чуткій сердцемъ поэтъ могъ только стонать и жаловаться:

Опять меня томитъ знакомая печаль,
Опять меня зоветъ съ неотразимой
властью
Нарядная весна въ замалчивную
даль
Къ безцвѣтнымъ берегамъ, къ невѣдому
счастью...

Это было въ концѣ восьмидесятихъ годовъ... Съ тѣхъ поръ перемѣнились декорации, и поэтъ-гражданинъ въ наши дни не приглашаетъ читателя раздѣлить его мечты о неизвѣстномъ ему, смутно чувствуемомъ какомъ-то счастьѣ.

У теперешняго поэта есть другія, можно сказать, даже реальныя задачи.

И не нарядна его весна, весна нашихъ дней: «цвѣточнаго вѣнка она носить не хочетъ».

Г. Танъ—своеобразный поэтъ. Это пѣвецъ борьбы, Тиртей современнаго общественнаго движенія.

Ему все ясно. Онъ не знаетъ «мучительныхъ сомнѣній» прежнихъ поколѣній, его умъ не сковываетъ демонъ раздумья. Про себя Танъ все уже рѣшилъ. И поэтъ твердо вѣрится въ успѣхъ.

Конечно, стихъ его порой очень прозаиченъ... Но до стиха ли, когда позади «Рубиконъ»?..

Г. Танъ — боецъ. Нѣтъ въ его пѣсняхъ ни элегической грусти, ни трелей соловья и благовопной, аро-

матной ночи; почти отсутствует «она».

Но и у этого смѣлаго бойца въ сердце таятся «святыня любви, стыдливой, наивной и нѣжной».

И Таня жаждет ласкового взора:

«Ибо — говоритъ онъ — сердце мое, словно рать безъ вожда, Безъ твоихъ погибаетъ лучей».

Безъ сомнѣнія, многимъ придется не по вкусу боевая восторженность и увѣренность г. Тапа.

Не всѣмъ же воспѣвать «красу долины»...

«Независящія обстоятельства» не позволяютъ намъ привести ни одной выдержки изъ стихотвореній Тапа.

ПИСАКА.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Что можно написать о петербургскомъ театрѣ въ началѣ іюля?! Правда, есть опера на Бассейной, но это опера—лѣтняя, я не выношу русской оперетки и фарса,—нашего плоскаго, пошлаго фарса,—и ничего не понимаю въ «искусствѣ» Мюриха и его соперниковъ.

И я мучительно завидую своему «кофреру» г. Юр. Бѣляеву.

Ему все доступно. Онъ все можетъ. Ему не страшенъ даже и балетъ. Онъ умѣетъ по косточкамъ разобрать не только московскую балерину, г-жу Ѳедорову 2-ую, но даже самое миссъ Айседору Дункашъ.

Г. Бѣляевъ понимаетъ толкъ въ Еленѣ Прекрасной и, думается, не профанъ по части атлетки.

Недавно г. Бѣляевъ выпустилъ книгу подъ названіемъ «Мельпомена», и, кто знаетъ, на будущій годъ не будемъ ли мы любоваться въ витринахъ книжныхъ магазиновъ его какамъ-нибудь «Геркулесомъ»?!

И когда не стоитъ идти въ театръ, то приходится сидѣть дома и перелистывать театральныя рецензіи.

Книжка г. Бѣляева состоитъ изъ его театральныхъ фельетоновъ, печатавшихся ранѣе въ «Новомъ Времени».

Не знаю, выбраны ли только наиболѣе удавшіяся статьи, или онѣ старательно очищены отъ грязи, въ которой въ свое время подносились читателю. — но только небольшая, даже изящная книжечка производить, хотя и нѣсколько двойственное, но все таки до нѣкоторой степени приличное впечатлѣніе.

Г. Бѣляевъ несомнѣнно талантливъ въ одномъ отношеніи, у него довольно своеобразное умѣнье писать.

Онъ любитъ театръ. Со страницъ его книжки порою глядитъ юношеская, чистая, восторженная душа любителя театральнаго искусства.

Но за спиною г. Бѣляева стоитъ нѣчто, въ видѣ призрака «Новаго Времени».

Оно обязываетъ. Оно требуетъ комплиментовъ издателю и его театру. И восторженный поклонникъ Мельпомены пишетъ («Вопросы»):

«У А. С. Суворина новая престелстная героиня.

Зовутъ ее Варей Волотовой.

Она изъ той семьи героинь, откуда одна за другой вышла Медя и Татьяна Рѣпина»..

Какъ тонко! И новую драму похвалилъ, и старая не забылъ, и хозяину удовольствіе сдѣлалъ.

Приходится чувствовать себя «услуживающимъ», быть строгимъ къ чужому театру и мило улыбаться своимъ.

Конкуренція требуетъ борьбы, и надо карать чужихъ, брать взаимны у старыхъ критиковъ потухшіе перуны и браниться, какъ въ дешевомъ трактирѣ.

И становится грустно за г. Бѣляева.

Если бы ему позволили писать въ другомъ, болѣе независимомъ, болѣе чистолюбомъ органѣ, изъ него, пожалуй, могъ бы выйти хотя не глубокой, но интересный театральны критикъ, восторженный и безкорыстный другъ театра.

Но въ другихъ органахъ печати ему нѣтъ мѣста.

* * *

Промелькнуло извѣстіе, что М. Н. Ермолова оставляетъ сцену.

Радоваться этому или печалиться?

Г-жа Ермолова—великая русская трагическая актриса. Въ исторію нашего театра ею вписаны блестящія страницы.

Ея заслуги неспорно огромны.

Не будь ея, быть можетъ, нашъ театръ не свернулъ бы своевременно съ дороги доморощепнаго ложноклассицизма.

Не выпорхнула она—это было 30 января 1876 г.—случайно, по болѣзни Г. Н. Ѳедотовой, изъ нѣдръ кордебалета Эмилией Галотти,—мы и до сихъ поръ наслаждались бы въ театрѣ завываніями на французскій ладъ.

Ермолова—первая артистка драматическаго реального репертуара, который вошелъ въ русскую жизнь вмѣстѣ съ литературой «трезвой правды» и картинами передвижниковъ...

Какъ это было давно и какъ все измѣнилось...

Это уже исторія. «Трезвая правда» съ тѣхъ поръ подверглась сомнѣнію, а передвижники съ горечью въ сердцахъ и въ старческомъ безсиліи уступаютъ свои позиціи другимъ.

И она одна, Мельпомена русской сцены, стоитъ, казалось, непоколебимо...

Но слава подмостковъ недолговѣчна.

Она умираетъ такъ же быстро, какъ изнашивается яркій, красивый костюмъ, какъ стираются съ лица румяна и краски.

Но слава Ермоловой прочна. Уже болѣе 30 лѣтъ артистка главенствуетъ на сценѣ Малаго театра. Если Московскій Малый театръ «домъ Щепкина», то онъ столько же, если не больше «Домъ Ермоловой».

А неумолимые годы берутъ свое. Наступила такая пора, когда передъ артисткой сама собой встаетъ диллема: покинуть сцену или перейти на другое амплуа.

Послѣднее въ свое время избрала Г. Н. Ѳедотова.

Но нѣтъ или очень мало ролей для трагическихъ «старухъ»... Драматурги любятъ дѣлать героями своихъ пьесъ молодыхъ людей.

Для артистки, нераздѣльно царившей на сценѣ 30 лѣтъ, тяжело и мучительно перейти на вторыя роли. Неограниченная власть балуетъ и портитъ человѣка.

Не по ней, значитъ, будутъ настраивать инструментъ, а ей самой придется поддѣлывать подъ чужой голосъ.

Конечно, г-жа Ермолова можетъ еще, оставаясь въ Маломъ театрѣ, играть въ тѣхъ немногихъ роляхъ, которыя пока еще подходятъ къ ея возрасту. Напр., царицу Зейнабъ въ «Измѣнѣ» кн. Сумбатова.

Но конечно «единственною» артисткой долѣе быть нельзя.

Ермолова всю себя отдала театру, много поработала, но много и получила за это: преклоненіе толпы, восторженные похвалы критики, власть и славу...

Теперь она поняла, что надо уйти, надо дать дорогу другимъ, молодымъ, свѣжимъ. Пусть и они скажутъ свое.

Правда, сейчасъ нѣтъ ей настоящей преемницы, но и не могло быть. Гдѣ свѣтитъ одно солнце, тамъ не взойти другому.

Но дайте хоть маленькую возможность, ослабьте путы, и талантъ, молодой, чистый, свѣжій, предстанетъ предъ нами...

Вотъ почему мы привѣтствуемъ отъ чистаго сердца мудрое рѣшеніе великой трагической русской артистки.

АНАХОРЕТЪ

НЕДѢЛЯ ЗРИТЕЛЯ

Не успѣли улежаться тяжелыя впечатлѣнія отъ лодзинскихъ и варшавскихъ трагедій, какъ на югѣ Россіи, на Черномъ морѣ и Черноморскомъ побережьи разыгралось новое «прискорбное, позорное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ русскаго флота событіе».

Изъ опубликованнаго правительственнаго сообщенія намъ извѣстно, что смута проникла и въ среду нижнихъ чиновъ черноморской эскадры. Взбунтовалась команда броненосца «Князь Потемкинъ Таврической», а его примѣру послѣдовали нижніе чины на «Георгій Побѣдоносца», транспортъ «Прутъ», миноносецъ «№ 267» и портовомъ суднѣ «Вѣха».

«Прав. Вѣстн.» даетъ слѣдующія подробности бунта на «Потемкинѣ» и безпорядковъ въ Одессѣ.

«Нижніе чины стали залпами стрѣлять въ офицеровъ, отыскивая ихъ въ разныхъ мѣстахъ судна».

«Нѣкоторые изъ офицеровъ бросились въ море, но и здѣсь ихъ постигла смерть».

«На кораблѣ составилъ комитетъ изъ 20-ти нижнихъ чиновъ, принявшій на себя командованіе судномъ. Далѣе:

«Бунтъ на военномъ кораблѣ даль революціоннымъ дѣятелямъ благоприятную ихъ цѣлямъ почву для воздѣйствія на народную массу».

«Портъ оказался во власти черни, которая бросилась повально грабить все безъ разбора».

«Съ наступленіемъ сумерекъ начались поджоги».

«Сдерживать отъ безчинства на территоріи порта многотысячную толпу рабочихъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ, если бы войска прибѣгли къ оружію, они подверглись бы афиладному обстрѣлу орудіей броненосца».

Въ результатъ — бомбардировка Одессы: «два снаряда съ Потемкина были пущены въ городъ».

Въ то же время, какъ видно изъ официальныхъ сообщеній, въ Одесскомъ уѣздѣ происходили аграрныя безпорядки».

Одесса и уѣздъ объявлены на военномъ положеніи. Началась паника. Жители бѣжали изъ города».

Черноморская эскадра подъ флагомъ вице-адмирала Кригера покидаетъ Севастополь и ѣдетъ въ Одессу, но черезъ день возвращается обратно».

На военномъ положеніи объявляются Севастополь и Николаевъ».

Броненосецъ «Георгій Побѣдоносца» и транспортъ «Прутъ» сдаются. Команда проситъ помилованія».

А «Потемкинъ» подъ «чернымъ и краснымъ флагомъ» уходитъ въ море. Посѣщаетъ Констанцу, угрожаетъ Θεодосіи, задерживаетъ пароходы, захватываетъ уголь, скотъ».

Десять дней «Потемкинъ» наводитъ ужасъ на все побережье Чернаго моря, и, наконецъ, тоже сдается, но румынцамъ».

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ одесскихъ событій, телеграфъ приниситъ извѣстіе о безпорядкахъ въ Кіевѣ».

Кстати о нашихъ телеграфныхъ агентствахъ».

Въ то время, когда жизнь даетъ такъ много новаго, агентскія телеграммы отличаются особенной лаконичностью, выражающейся въ двухъ словахъ: «все спокойно».

Возьмемъ какъ образецъ телеграмму, разосланную офиціознымъ С.-Петербургскимъ агентствомъ 21-го іюня. Приводимъ ее цѣликомъ: «Тифлисъ 21-го іюня. Магазины закрыты: въ городѣ спокойно. По почамъ постовые городовые охраняются солдатами».

Зачѣмъ понадобилось охранять постовыхъ городовыхъ, читателю осталось неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока въ «Прав. Вѣстн.» не появился Высочайшій указъ, объявляющій гор. Тифлисъ и Тифлискій уѣздъ на военномъ положеніи».

Есть еще и другого сорта телеграммы, особенно культивируемые «Россійскимъ тел. агентствомъ», тоже подцензурнымъ».

Въ нихъ съ той же лаконичностью сообщаются свѣдѣнія о передвиженіи войскъ».

«Въ Екатеринославѣ отравлены изъ Павлограда два батальона керчьеникальскаго полка», или въ «Оргѣвѣ» прибылъ эскадронъ драгунъ». Кому нужны такія стратегическія свѣдѣнія, неизвѣстно».

Вернемся, однако, къ обзору внутренней жизни».

Изъ Кіева перейдемъ къ Курску. Тамъ издаются «Курскія Губернскія Вѣдомости», и вотъ что онѣ печатаютъ»:

«17-го іюня на Ямскомъ вокзалѣ разыгралась кровавая драма. Около шести часовъ вечера чрезъ станцію слѣдовалъ воинскій поѣздъ, имѣвшій здѣсь стоянку. Къ находившемуся въ залѣ I-го класса офицеру, начальнику партіи, подошелъ унтеръ-офицеръ и рапортуетъ, между прочимъ, сказалъ, что въ вагонахъ тѣсно. Солдатъ былъ пьянъ и нанесъ оскорбленіе офицеру, который приказалъ связать его. За-

тѣмъ солдатъ, успѣвшій развязать себѣ руки, началъ ругать проходившаго мимо офицера и нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Раздраженный офицеръ выхватилъ шашку и ударилъ по головѣ солдата, который палъ бездыханнымъ трупомъ. Тогда разъяренная толпа стала наступать на офицера, который спасся въ вагонѣ. Офицеру удалось, отмахиваясь шашкой, запереться въ вагонѣ, на который посыпались камни и палки. Офицеръ сталъ отстрѣливаться: кто-то крикнулъ: «жги его, братцы!». Въ вагонѣ полетѣли тряпки и пакля, намоченныя нефтью; вагонъ запылалъ. Видя неминуемую гибель, офицеръ застрѣлился. На мѣсто страшнаго злодѣянія прибылъ губернаторъ и драгуны, но толпа уже расходилась. По дѣлу ведется строжайшее слѣдствіе».

Въ дальнѣйшемъ событія текущей жизни за минувшую недѣлю ничѣмъ не отличались отъ предшествовавшихъ ей».

При бѣгломъ просмотрѣ телеграммъ ежедневной періодической печати, вниманіе останавливается на обиліи извѣстій о возникающихъ и отчасти кончающихся то здѣсь, то тамъ забастовкахъ, протекающихъ по большей части довольно мирно».

Такъ за минувшую недѣлю какъ офиціозное, такъ и неофиціозное телеграфныя агентства принесли сообщенія о забастовкахъ изъ Батума, Бобруйска, Вѣлостока, Варшавы, Верхнеднепровска, Казани, Ковны, Кременчуга, Калиша, Екатеринослава, Орши, Томска, Минска, Тифлиса, Ревеля, Ростова-на-Дону, Славянска, Сосновицъ и Харькова».

Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ фабрики продолжаютъ бездѣйствовать. Между рабочими и администраціей идутъ переговоры. На р. Талкѣ продолжаются сходки рабочихъ. Въ городѣ прибыли войска».

Не такъ многочисленны пункты, въ которыхъ по извѣстіямъ тѣхъ же агентствъ происходятъ недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками. Вотъ приблизительный перечень городовъ, въ окрестностяхъ которыхъ проявились такъ или иначе аграрныя недоразумѣнія: Брестъ-Литовскъ, Владикавказъ, Дмитровскъ, Полтава, Ростовъ-на-Дону и Херсонъ».

Въ столицахъ недѣля прошла совершенно спокойно».

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. АВТОРОВЪ.

Редакція «Зрителя» получаетъ очень много статей, замѣтокъ, стихотвореній и т. п. Мы очень признательны гг. авторамъ за ихъ симпатіи къ нашему начинанію. Но мы не можемъ не обратить ихъ вниманія на одну подробность журнальнаго дѣла.

Въ странахъ, гдѣ личность рабочаго стоитъ на должной высотѣ, гдѣ къ труду существуетъ благоговѣйное отношеніе, какъ, напримѣръ, въ Англіи, и гдѣ, благодаря этому, продуктивность творческой дѣятельности людей даетъ наиболѣе осязательные результаты, тамъ всѣ работники объединены одною мыслью:

Работая, содѣйствовать работѣ другого.

Поэтому тамъ совершенно немислимо полученіе редакціей такихъ рукописей, которыя неудобочитаемы, которыя набросаны на клочкахъ бумаги неяснымъ почеркомъ и т. п. Тамъ отъ рукописи требуютъ тщательности, и авторы стремятся къ тому, чтобы ихъ рукописи были переписаны на пишущихъ машинахъ.

Требовать этого отъ русскихъ авторовъ пока не представляется возможнымъ. Но желательнo, чтобы гг. авторы не забывали условій труда наборщиковъ, которые получаютъ сдѣльно, за тысячу буквъ, оцредѣленный и очень небольшой гонораръ. И, слѣдовательно, чѣмъ менѣе разборчива рукопись, тѣмъ менѣе продуктивна работа наборщика.

Очень хотѣлось бы слѣдовать прекраснымъ образцамъ Запада.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Гольцевъ, В. *Законодательство и права въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.*—1 р. 25 к.

Гуго, К. *Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.* Пер. съ нѣм. подъ ред. Д. Протопопова.—1 р. 50 к.

Дружининъ, Н. П. *Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи.*—1 р. Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для ученія старш. возр., библ. средн. учебн. завед. для учит. библ. город. и сельск. школѣ и для бесплатныхъ читателей.

Содержаніе: Предисловіе. — Законы уголовныя. Основныя начала уголовной отвѣтственности за нарушеніе правъ и неисполненіе обязанностей. — Законы о состояніяхъ и ихъ уголовная охрана. — Законы гражданскіе и ихъ уголовная охрана.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Вып. первый. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова.—1 р.

Содержаніе: М. Ковалевскій. Сравнительно-историческое правовѣдѣніе.—Ю. Гамбаровъ. Право въ его основныхъ моментахъ.—П. Новгородцевъ. Право и нравственность.—С. Булгаковъ. Хоизство и право.—А. Горбуновъ. Развитие государства въ Западной Европѣ.

Эменъ, А. *Обиця основанія конституціоннаго права.* Пер. съ фр. подъ ред. В. Дерюжинскаго.—1 р. 75 к.

Янсенъ, І. *Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформации.* Перев. съ 16-го нѣм. изданія.—1 р. 25 к.

Минье. *Исторія французской революціи.* Изд. 4-е. Пер. подъ ред. и съ предислов. К. К. Арсеньева. Печатано безъ переизвѣстия съ 1-го рус. изд.—1 р.

Новое изданіе О. Н. Поповой даетъ за 1 руб. 30 печатныхъ листовъ, на которыхъ помѣстилась вся двухтомная «Исторія французской революціи» Минье, значительная вступительная статья К. Арсеньева и немало выдержекъ изъ «Революціи» Кине. Статья г. Арсеньева представляетъ обстоятельный и подробный очеркъ литературы предмета. Въ выдержкахъ изъ Кине нашли мѣсто лучшія характеристики и разсужденія изъ прекраснаго сочиненія извѣстнаго французскаго ученаго.

Сили, Дж. Р., проф. *Расширеніе англійской державы.* Пер. съ англ. В. Я. Герда.—2 руб.

Соренъ, Э. *Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила.* Пер. съ фр. М. Чепинской. Приложеніе. В. Водозововъ. Очеркъ послѣдующихъ событій.—1 р. 50 к.

Трачевскій, А., проф. *Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе.*—1 р. 25 к.

Чаннингъ, Эдуардъ. *Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки (1765—1865 г.).* Переводъ съ англ.

А. Каменскаго. Съ приложеніями, 3-мя картами и русскою библіографіей.—1 р. 50 к.

Шерръ, І. *Комедія всемірной исторіи.* Историческій очеркъ событій 1848 года. Пер. съ нѣм. Въ 2 т.—3 р. 50 к.

Шашковъ, С. С. *Собраніе сочиненій.* Въ двухъ томахъ. Оба тома 4 р.

Содержаніе: Т. I. Историческія судьбы женщины, дѣтубійство и проституція. Исторія русской женщины.—Т. II. Историческіе очерки: Старая и новая Испанія.—Судьбы Ирландіи.—Эдмундъ Боркъ.—Газетная пресса въ Англіи.—Историческіе этюды: Русскія реакціи.—Поучительная исторія о нѣмцахъ.—Рабство въ Сибири.—Сибирскіе инородцы XIX столѣтія.—Россійско-Американская Компанія.—Иркутскій погромъ въ 1758—1760 гг.

Шелгуновъ, Н. *Собраніе сочиненій.* Изд. 3-е, дополненное, въ 3 т.—5 р.

Туганъ-Барановскій, М. *Промышленные кризисы.* Очеркъ изъ социальной исторіи Англіи. 2-е совершенно переработанное изданіе.—2 р. 25 к.

Содержаніе: *Часть первая. Теорія и исторія кризисовъ.* I. Основныя причины кризисовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ.—II. Обиця очеркъ развитія англійской промышленности со второй четверти этого вѣка.—III. Кризисы второй четверти этого вѣка.—IV. Кризисы 50-хъ и 60-хъ годовъ.—V. Периодическія колебанія промышленности въ новѣйшее время.—VI. Причины периодичности кризисовъ.—*Часть вторая. Соціальное значеніе кризисовъ.* I. Вліяніе промышленнаго цикла на народную жизнь.—II. Чартизмъ.—III. Хлопковый городъ.—IV. Новѣйшія движенія безработныхъ.—Заключеніе.

Туганъ-Барановскій. *Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.* Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 2-е, значительно дополненное изд.—3 р. 50 к.

Гюго, Викторъ. *Несчастные (отверженные).* Пер. съ фр. О. Н. Поповой и А. Н. Энгельгардтъ.—3 руб.

Новое изданіе этой замѣчательной книги въ хорошемъ русскомъ переводѣ является безспорно желательнымъ. «Русск. Мысль» 1902, № 8.

Гюго, Викторъ. *93-й годъ.* (Вибл. «Другъ»). Пер. съ франц. С. Круковской.—1 р.

Севастиополь и его оборона. Составила О. Н. Попова. Съ 5 рис. и 2 карт.—30 к.

Гренгагель, К. В. *Путеводитель по Финляндіи.* Водолечебные центры, дачныя и живописныя мѣстности Карелии, Саволакса, Ньюландіи, Коренной Финляндіи, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботни. Съ прилож. 27 картъ и краткаго словаря русско-шведско-финскихъ словъ.—2 р. 50 к.

Выписывающіе отъ Книгоиздательства О. Н. Поповой, Сиб. Невскій, 54, за пересылку не платятъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Художественный отдѣлъ:		Завоеватели	Стр. 7
Оригинальные рисунки	Стр. 1 и 9	Страничка изъ дневника поэта	» 8
» виньетки и заставки 3, 5, 6, 7, 8 и 10		Передъ приливомъ	» 8
Литературный отдѣлъ:		Итогъ	» 8
Поэтическое сравненіе	Стр. 3	Различіе сословій	» 10
Новыя отдѣлы	» 3	Въ конкѣ	» 10
Отрывки изъ супружеской переписки	» 4	Сверчокъ (басня)	» 10
Новыя вѣсти объ эскадрѣ	» 5	Памяти А. П. Чехова	» 11
Вороны и Соловьи	» 5	Критическіе этюды	» 11
Орѣкѣ Ориноко и рыболовствѣ въ оной	» 6	Театральное обозрѣніе	» 12
		Недѣля зрителя	» 14
		Объявленія	2, 15 и 16

П Р И Н И М А Е Т С Я П О Д П И С К А

Т О Л Ь К О Д О К О Н Ц А Г О Д А

Н А

Е Ж Е Н Е Д ъ Л Ь Н Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ

„З Р И Т Е Л Ъ“

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Петербургѣ — 5 копѣекъ.

Цѣна съ № 1 до конца текущаго года 2 рубля.

Годовая цѣна съ 1 Января — 3 рубля съ доставкой и пересылкой.
2 рубля 50 коп. — безъ доставки и пересылки.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ

О. Н. Поповой, Невскій проспектъ, 54.

Въ составъ редакціи входятъ: Ю. К. Арцыбушевъ, Г. Е. Гинцъ,
И. Я. Каганъ, Н. И. Фалѣевъ.

Редакція для личныхъ объясненій открыта по пятницамъ отъ 6 до 8 час. веч.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса. Желаящіе получить редакціонный отвѣтъ благоволятъ присылать почтовую марку соотвѣтствующаго достоинства.

Всѣ рукописи и всякіе запросы должны быть адресуемы въ редакцію:

Спб., Каменноостровскій, 13.

Телефонъ 23862.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

Плата за помѣщеніе объявленій въ «ЗРИТЕЛЪ» передъ текстомъ
30 коп. строка петита, послѣ текста 20 коп.